

Р. А. БЛИЗНЯКОВ

НОВОРОССИЙСКИЙ КРАЙ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 ГОДА (НА ПРИМЕРЕ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ)

В 2012 году отмечалось знаменательное событие – 200-летие Отечественной войны 1812 года. В честь юбилея проводились различные мероприятия, конференции, было издано большое количество литературы, однако роль Таврической губернии в событиях 1812 года осталась не затронутой отечественными и зарубежными исследователями. Возможно, это была далеко не роль первого плана, однако без детального ее рассмотрения невозможно представить и целостной объективной картины. Данная статья призвана восполнить этот пробел – на основе имеющихся архивных материалов и литературы осветить роль Таврической губернии в Отечественной войне 1812 года. Будут рассмотрены вопросы участия жителей губернии в ополчении, денежных и различного рода других пожертвований от жителей полуострова и уездов, влияния эпидемии чумы на полноценное участие уездов губернии в войне.

Опубликованных источников по данной тематике практически нет, в связи с этим необходимо отметить большое значение материалов Государственного архива в АРК, которые помогают прояснить все вышеуказанные вопросы [1–5]. Часть материалов из архивных дел в данной статье публикуется впервые. Также уточняющий характер могут носить материалы сборника документов «Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года» [7]. В современной историографии вспомогательный характер для данной темы носят работы А.А. Непомнящего [8] и В. Г. Сарбея [9]. Тем ценнее для нас становятся статьи А.И. Маркевича и А. В. Флоровского, опубликованные в дореволюционных изданиях «Известия Таврической ученой архивной комиссии» [6] и «Записки Одесского общества истории и древностей» [10]. Они наиболее полно осветили различные векторы участия Новороссийского края в событиях войны с Наполеоном.

12 (24 по новому стилю) июня 1812 года Наполеон со своей армией вторгся в пределы России. Патриотизм, охвативший все губернии империи, проявился в полной мере и в Новороссийском крае. Еще накануне войны, 13 мая 1812 г. министру полиции император Александр I писал: «Известно Вам, что настоящим

обстоятельствам принял я нужным сформировать из рекрут последнего набора 12 полков: 8 пехотных и 4 егерские... при формировании новых полков, естественно, нужны будут штаб обер офицеры для занятия соответствующих званий ...я возлагаю на вас поручить, от имени моего, начальникам губерний, дабы они употребили старание их приглашать на военное время отставных штаб обер офицеров имеющих силу и способность продолжить службу... поставив им ввиду следующие уважения:

1) сверх того что поступление их ныне на военную службу принято будет засвидетельствованием ревностной любви их отечеству все они должны состоять в службе, пользоваться преимуществами и выгодами вообще воинским чином присвоенным.

2) те из них кои ...получили чины гражданские или военные.., изъявивших желание вступить на сим основании в военную службу штаб и обер офицеров долженствую начальников губерний снабдить надлежащими пригонами, препроводить для определения в полки, ...притом чтобы они отправаься к месту их... кратчайшим путем» [1, л. 5].

В рапорте его превосходительству господину генерал-лейтенанту, сенатору, Таврическому гражданскому губернатору, управляющему Крымской соляной экспедицией и кавалеру Андрею Михайловичу Бороздину от Перекопского городничего сообщалось, что к 10 июня 1812 года список желающих состоял из 3 человек. Бахчисарайский и Керчь-Еникальский полицмейстеры сообщали, что «...по весьма малому числу здесь таковых чиновников никто на то за всеми моими стараниями желания не изъявил». В Севастополе только отставной штабс-капитан Павлов изъявил желание вернуться на службу. Выдали Павлову прогонные деньги на две лошади до Костромы, где собирались ополченцы. В рапорте Крымской соляной экспедиции от 2 июля 1812 г. извещалось, что «никто себя не признал к продолжению военной службы способным» [1, л. 11-16].

6 июля 1812 г. Александр I издал манифест с призывом о создании ополчения: «...при всей твердой надежде на храброе наше воинство полагаем мы за необходимо-нужное собрать внутри государства новые силы, которые, нанося новый ужас врагу, составляли бы вторую ограду в подкрепление первой и в защиту домов, жен и детей каждого и всех» [7, с. 15]. Новороссийский генерал-губернатор Ришелье получил этот манифест 22 июля и разослал его с курьерами во все концы Новороссийского края, а 28 июля в зале одесского клуба обратился с пламенной речью ко всем сословиям г. Одессы на русском языке. Он также сделал первое пожертвование в размере 4000 рублей [6, с. 41-42].

В своих планах Наполеон значительное место уделял Украине, которую он планировал превратить в ячейку антироссийского движения. Правобережье он обещал вернуть польскому королю, Галичину и Волынь передать австрийскому императору, Крым и Северное Причерноморье – турецкому султану. Остальная территория должна была делиться на военно-административные колониальные

области (наполеониды) и стать источником снабжения французской армии продовольствием, фуражом, лошадьми, волами и даже солдатами. С целью не допустить антироссийского восстания на Украине, Александр I издал манифест, в котором призвал украинское население защищать свою землю. Киевский гражданский губернатор граф Санти, француз по происхождению, прямо заявлял, что необходимо воспользоваться патриотическими чувствами украинцев для военной службы, «которая теперь столь необходима» [9, с. 64-65].

Царский манифест Таврический губернатор А. М. Бороздин получил 23 июля, сразу же переправил его Таврическому губернскому предводителю дворянства полковнику Таранову-Белозерову и сообщил о необходимости создать дворянство. Аналогичные письма были направлены во все крупные города Крыма [2, л. 2]. 29 июля 1812 года Таврическое благородное дворянство на общем собрании в городе Симферополе постановило: «Всякого дворянина орудие носить могущего... с сего дня считать отечественными ратниками, и всякому из них по первому позыву... идти для обороны отечества вооруженным...» [10, с. 30]. 1 августа 1812 г. губернатор обратился с воззванием ко всему населению губернии.

5 августа 1812 года градоначальник г. Феодосии С. М. Броневский получил письмо от Таврического губернатора А. М. Бороздина, в котором говорилось: «Весьма вероятно, что обыватели города Феодосии тем с большею ревностью и усердием последуют примеру прочих крымских жителей в денежном пожертвовании, мера коего совершенно зависит от воли и любви к Отечеству каждого гражданина» [2, л. 23]. Уже на следующий день С. М. Броневский отвечал: «Жительствующий в Феодосии отставной капитан Дмитрий Маркаков, будучи одушевлен усердием и ревностью в защите Отечества против врагов, в российские пределы вторгшихся, вышел ко мне с просьбою... Желание Г. Маркакова состоит в том, чтобы при помощи двух его племянников собрать из разных состояний до 144 человек таких, кои по доброй воле пожелают посвятить себя на службу Отечеству... Одобряя с моей стороны предприятие Г. Маркакова и надеясь на известную его в подобных случаях опытность, которую показал в прошедшее время при наборе Милиции, я счел обязанностью донести до Вашего Превосходительства подвиг сего чиновника» [2, л. 32].

Благородные дворяне днепровского уезда, сверх значительного пожертвования деньгами в 40 тыс. руб., определили поставить в ратники из ста своих крестьян по три человека, вооруженных и с десятимесячной пропорцией провианта [6, с. 46]. Также постановили вооружить ратников на деньги, вносимые дворянством. Ратники от дворян должны были быть поставлены не позже 1 сентября 1812 года. Те дворяне, у которых было менее 33 душ, должны были вносить соразмерную сумму деньгами и вещами.

Между тем, 18 июля 1812 г. Новороссийская и некоторые другие губернии были освобождены от поставки ополчения заменой рекрутским набором. Ополченцы были распущены по домам «мирно возделывать поля свои» [10, с. 34].

Основной формой участия в жизни государства стало денежное пожертвование. Мелитопольские дворяне пожертвовали 38 тыс. 700 руб., от каждой души по 10 рублей и от каждой десятины по 10 копеек, не считая добровольных взносов. Дворянство крымских уездов пожертвовало 40 тыс. руб. и 75 четвертей хлеба.

10 августа 1812 года феодосийский градоначальник известил губернатора относительно денежных взносов. Сумма этих пожертвований достигла 10 тыс. руб. Причем феодосийцы вносили пожертвования не только деньгами, но и оружием, и другими вещами. Весьма показательно в этом отношении сообщение Броневского о поступке одного из феодосийцев, он писал: «...с чувством радости и восхищения о великодушном поступке поселянина из... Харьковской губернии Матвея Безрукова», который имел 12 пар волов и «живет в здешнем городе перевозкою тягостей». Этот патриот добровольно жертвовал всех своих волов, а также себя и сына своего на благо Отечества и изъявлял желание отправиться туда, куда от него потребуют. При этом градоначальник, прекрасно знающий финансовое состояние всех горожан, с прискорбием сообщал, что данный поступок весьма контрастирует с поступком другого горожанина (подпоручика Ставра Цирули), который имел доход в 20 тыс. руб. ежегодно, а пожертвовал всего 20 пик и 20 рублей в пользу милиции (так называли земское ополчение – *Р.Б.*). Броневский называл это «расчетливой скупостью» [2, л. 60-61].

Надо сказать, что феодосийцы в едином порыве откликнулись на призыв о помощи Отечеству в столь трудный час. Об этом свидетельствует факт, что денежные пожертвования вносили практически все сословия и чины города – надворные советники, коллежские асессора, титулярные советники, коллежские секретари, губернские секретари, коллежские регистраторы, губернские регистраторы, дворяне, купцы, мещане и иностранцы. К сожалению, склеившиеся листы архивного дела не позволяют установить точную сумму взносов феодосийцев, однако можно с уверенностью сказать, что она была достаточно большой, а сумма взносов весьма разнилась, например, сам Броневский пожертвовал 1 тыс. руб., а некий житель по фамилии Киркоров – сто рублей [2, л. 221-224].

Все собранные по губернии деньги должны были храниться в кладовой Симферопольского уездного казначейства, а оттуда их отправляли в аналогичное ведомство Санкт-Петербурга. Выписка о добровольных приношениях по Таврической губернии позволяет проследить суммы взносов жителей: больше всех пожертвовал титулярный советник Овсяннико-Куликовский – 10 тыс. руб., губернатор Бороздин пожертвовал 5 тыс. руб., предводитель дворянства С. С. Жегулин – оружие (4 медных единорога), провиант (20 четвертей хлеба), 200 рублей. Чиновники и часть Керчь-Еникальского градоначальства пожертвовали деньгами 1274 руб. 50 коп. Из Евпатории пришло 5060 рублей. Итого по 20 августа 1812 года было собрано провианта – 75 четвертей хлеба, денег – 33870 рублей.

Известно, что в то же время от Феодосийского уезда поступило пожертвований 51 тыс. руб. (предполагалось собрать еще больше – 82058 руб. 87 коп.,

скорее всего, причиной недоимок послужила вспыхнувшая неожиданно в уезде чума). «На ликвидацию заразы» по распоряжению самого Новороссийского генерал-губернатора герцога де Ришелье из общей суммы, собранной по Таврической губернии в 1812 году (418 тыс. 130 руб. 84 ½ коп.), было израсходовано 62 тыс. 564 руб. 80 ¾ коп. [2, л. 704].

Необходимо отметить, что денежные пожертвования были весьма ощутимы для жителей края. Известно, что в письме от 23 августа 1812 г. предводитель днепровского уезда Петров извещал губернатора Бороздина, что «владельцам, ежели ныне еще вновь денежное пожертвование произвести, будет очень ощутительно, тем более, что в днепровском уезде почти повсеместный неурожай хлеба и владельцы принуждены будут не только платить все подати за своих людей, но и кормить их от себя собственно» [2, л. 124].

22 августа 1812 года губернатор Бороздин был извещен о том, что Таврическая казенная экспедиция предлагает детей отставных солдат, поселенных в губернии еще князем Потёмкиным, обратить на укомплектование полков. Таковых, по исчислению экспедиции, было 186 душ. Казенная экспедиция оставила при каждом отце и матери по одному из сыновей, остальных забрала в армию. Это, в основном, Симферопольский (Курцы, Мазанка, Петровское), Евпаторийский (Менлерчик – ныне с. Журавлевка Симферопольского района) и Феодосийский (Изюмовка, Салы) уезды. Только 3-х человек из солдатских детей отправили к господину херсонскому военному губернатору, герцогу де Ришелье, для определения на службу в войска, распределенные по Таврическому краю [3, л. 1, 17].

Продолжался набор рекрутов, однако в Феодосии и уезде он вскоре был прекращен в связи со страшной болезнью, обнаружившейся в городе. Еще в марте 1812 года датский поверенный в делах в Константинополе Шпис сообщал в Таганрог, что в столице Османской империи появилась моровая язва, причем сильная. Таганрогский градоначальник уведомил о том Таврического губернатора. Однако болезнь вскоре проникла и в Крым, предположительно из Одессы, куда она попала раньше. В рапорте о рекрутском наборе на имя князя А. Б. Куракина сообщалось: «...когда все приготовления к производству сего набора были уже сделаны, в городе Феодосии открылась заразительная болезнь. Случай сей навел сомнение на весь Крым» [4, л. 22]. Чумой заболел один из рекрутов, скончался, и набор в итоге был остановлен. Это случилось в ночь с 20 на 21 августа 1812 г.

Броневский и его соратники, среди которых, в первую очередь, доктор медицины, главный медицинский чиновник Феодосийского центрального карантина Иван Иванович (Жан) Граперон (врач, коллекционер древностей, хранитель Феодосийского музея древностей в 1818-1848 гг.), вынесли на своих плечах основную тяжесть борьбы с эпидемией чумы, обрушившейся на город. За четыре месяца – с 22 августа 1812 года по 29 декабря 1812 года – страшная болезнь унесла в Феодосии жизни 541 человека. Всего в 1812 году здесь переболело чумой 758 человек [8, с. 349]. В других местах губернии скончалось 816 человек.

Тяжелые последствия эпидемии еще более усугубились необычайно холодной и голодной зимой 1812–1813 годов. Противочумные мероприятия продолжались вплоть до августа 1814 года.

Из архивных материалов стало известно, что в августе 1812 г. сам гражданский губернатор отправился в Феодосию по первому известию о возникших там сомнениях насчет чумы, и при нем: инспектор врачебной управы надворный советник доктор Ланг, ассессор губернского правительства Луговской и секретарь Аверкиев. Из Феодосии Луговской отправил в Симферополь драгуна Якова Голепщина с известием о том, что слухи о чуме в городе подтвердились. Из Севастопольской карантинной конторы в Феодосию был вызван главный лекарь Эк для составления медицинского совета [2, л. 461-462]. В Феодосии побывали даже пленные врачи Пьер Бопре и Франсуа Маниер, присланные из Екатеринославской губернии по приказу князя Куракина [2, л. 536]. Очистительным комитетом Феодосийского уезда на зарплату жителям чумных мест за сожжение у них зараженных вещей было израсходовано 8334 руб. 40 коп. [2, л. 527]. Тем не менее, вскоре болезнь распространилась на Старый Крым, Судак, Керчь и Еникале.

Город был огражден, вокруг него была сооружена цепь, которая, по свидетельству документов, проходила от Черного моря по речке Булганак до Сиваша. Кроме курьеров и письменной почты, никто и ничто не могло ни попасть в город, ни выехать из него. Были запрещены ярмарки, базары и публичные собрания. Особо строгие меры были предприняты в Феодосийском, Симферопольском и Перекопском уездах. Данные меры возымели действие, однако, далеко не сразу. 20 марта 1813 г. князь Куракин разрешил произвести набор в Днепровском и Мелитопольском уездах губернии. Однако только почти спустя год, 23 февраля 1814 г., казенная экспедиция извещалась об окончании моровой язвы. Чума свирепствовала, по словам Броневского, 3 месяца и 18 дней [6, с. 55].

Местом нового приема рекрутов планировалась Петровская крепость в Екатеринославской губернии. Губернатор Бороздин извещался неким Кириллом Семеновичем из Екатеринослава 11 марта 1813 г., что это не самое удобное место приема по следующим причинам:

1. По границе с Таврической губернией в качестве предосторожности от чумной заразы была протянута цепь.
2. Петровская крепость была не действующей, «уничтоженной», в ней не было ни городничего, ни полицмейстера, только смотритель полицейской части.
3. Неудобное расположение крепости.

По причине этого автор письма просил генерал-губернатора Ришелье спisać с князем Куракиным, чтобы не делать крепость местом приема рекрутов. В качестве альтернативы предлагалось селение Большая Знаменка в Днепровском уезде, что напротив местечка Никополя. Это место и было утверждено, однако набор, по причине холодов, стал проводиться только в июне и июле [4, л. 48-50].

Находясь в стороне от военных действий, Таврическая губерния, между тем,

очень пострадала в результате холодной зимы, неурожаев и чумы. Ришелье, посетивший Крым перед отъездом на Венский конгресс, был поражен увиденным и обратился к императору Александру I с просьбой помочь краю, что и было сделано. Высочайшими указами от 10 марта и 30 августа 1814 года пострадавшим были даны привилегии и льготы в уплате податей, отбывании повинностей, поставке рекрутов. Государство достойно отблагодарило своих подданных за перенесенные страдания, за проявленный патриотизм и самопожертвование в лихую для Отечества годину.

Таким образом, 1812 год стал испытанием не только для центральных губерний Российской империи, но и для Таврической, которой, помимо мер, связанных с ведением военных действий, пришлось пережить еще и борьбу с эпидемией опасной болезни. Жители юга Новороссийского края активно включились в борьбу с неприятелем во всех ее проявлениях – участием в создании ополчения, денежными и иного рода пожертвованиями, их верноподданнические действия также внесли свою лепту в дело общей победы России над армией Наполеона. Итогом принятых мер и усилий, по словам императора Александра I, стало то, что «по изреченной к нам милости Божьей, огромные неприятельские силы победоносным нашим воинством и храбрым народом сокрушены, и малые остатки оных ищут спасения своего в поспешном из России бегстве» [5, л. 3].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

1. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 753 «О вызове отставных штаб и обер-офицеров в военную службу».
2. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 756 «О составлении земского ополчения и о разных на оные пожертвованиях».
3. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 782 «По предписанию Г. Херсонского военного губернатора Дюка де Ришелье о доставлении мною на представлении таврической казенной экспедиции и обращении детей поселенных здесь отставных солдат по укомплектованию войск».
4. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 784 «О наборе рекрутов по 83 набору, назначенному высочайшим Манифестом 4 августа 1812 года».
5. ГААРК, ф. 26, оп. 1, д. 802 «О наборе рекрут по 84-му набору, назначенному высочайшим манифестом 30 ноября 1812 года».
6. *Маркевич А.* К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806-1814 годов. Исторический очерк // ИТУАК. 1913. № 49.
7. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1962.
8. *Непомятый А.А.* Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX – начало XX века): Библиографическое исследование. Симферополь, 2000.
9. *Сарбей В.Г.* Національне відродження України. К., 1999. (Серія «Україна крізь віки», Т. 9).
10. *Флоровский А.В.* Отечественная война и Новороссийский край // ЗООИД. 1913. Т. XXXI.

Близняков Р. А.

**Новороссийский край в Отечественной войне 1812 года
(на примере Таврической губернии)**

Резюме

В статье, основанной на архивных материалах, рассматривается вопрос участия Таврической губернии в Отечественной войне 1812 года. Изучены вопросы участия жителей губернии в ополчении, денежных и различного рода других пожертвований от жителей полуострова и уездов, влияния эпидемии чумы на полноценное участие уездов губернии в войне.

Блізняков Р. О.

**Новоросійський край у Вітчизняній війні 1812 роки
(на прикладі Таврійської губернії)**

Резюме

У статті, що базується на архівних матеріалах, розглядається питання участі Таврійської губернії у Вітчизняній війні 1812 року. Вивчені питання участі жителів губернії в ополченні, грошових і різного роду інших пожертвувань від жителів півострова і повітів, впливу епідемії чуми на повноцінну участь повітів губернії у війні.

Bliznyakov R. A.

**Novorossiysky Territory in the Great Patriotic War of 1812
(on the example of Tauric Province)**

Summary

The problem of participation of Tauric province in the Great Patriotic War in 1812 is examined in the article based on archive materials. The way the population of province took part in voluntary military forces, monetary and different kinds of donation from people of the peninsula and districts, the influence of the epidemic of plague on participation of districts in the war are scrutinized in the article.